

Гоудань сунул в руки Ван Сюаню корзину, сам прихватил прочный холщовый мешок, заткнул за пояс мачете и крикнул отцу, что они идут на гору Красной Вершины. Схватив два темных маньтоу, мальчишки умчались со двора, точно вихрь. Ли Сы только рот раскрыл, но не успел и слова возразить.

Место, куда они направлялись, лежало недалеко от деревни Сикань. Когда-то у подножия этой невысокой горы стоял даосский храм — небольшой, но славный. Поговаривали, будто его первый настоятель вознёсся на небеса, став бессмертным, отчего толпы верующих некогда стекались туда со всех сторон, и благовония курились там день и ночь. Древность этого святилища не подлежала сомнению, хотя отыскать правду теперь было нелегко. Местные старожилы вспоминали рассказы своих прадедов: обитель стояла здесь задолго до того, как в округе появились первые крестьянские дворы.

Однако время шло, и храм постепенно пришёл в упадок. Смуты и бесконечные войны довершили разрушение: монахов становилось всё меньше, паломники забыли дорогу к алтарям. Лишь деревенские из окрестных сёл изредка поднимались на вершину, чтобы воскурить благовония, попросить о рождении сына или узнать судьбу у гадателя, оставляя в храме скромные гроши на масло для лампад. Большинство крестьян всё равно не понимали разницы между даосизмом и буддизмом. Какая разница, кому кланяться — Лао-цзы или круглолицему Будде? Всё одно — небожители, одна семья. Людям было неважно, какому богу молиться, лишь бы молитвы исполнялись, а длинные ли у него волосы или выбритая плешь — дело десятое.

Лет двадцать назад, когда последний настоятель отошёл в мир иной, обитель окончательно опустела. Стены обрушились и поросли бурьяном, превратившись в груды битого кирпича. В голодные годы крестьяне выловили и съели даже декоративных карпов из храмового пруда. А года четыре назад, во время кампании против «четырёх устаревших», хунвэйбины, пришедшие из самого уезда, разгромили и то небольшое, что уцелело.

Теперь от крыши не осталось и щепки, повсюду валялись обломки черепицы, и развалины стали прибежищем для лесного зверья.

Гоудань стремился туда из-за бамбука, который разительно отличался от росшего возле их деревни. На храмовых руинах росла рощица, остававшаяся сочно-зелёной даже лютой зимой, а её побеги были на редкость нежными и сладкими. Старики болтали, будто бамбук напитался духовной силой, когда здешний настоятель вознёсся на небо. Правды никто не знал, да и дела до неё не было. Люди пообразованнее объясняли это проще: бамбуковая роща укрылась в глубокой горной ложбине, куда не проникали ледяные ветры, а под землёй, возможно, бил тёплый источник. Кроме того, когда-то при храме рос сад, и мальчишка надеялся поживиться уцелевшими плодами.

Из всех окрестных деревень ближе всего к развалинам стояла Сикань. Но поскольку земля вокруг была бесплодной, усыпанной щебнем и валунами, селяне её не пахали, и заброшенное святилище так никто и не прибрал к рукам.

Гоудань шагал впереди, постукивая по густой траве длинной палкой, чтобы распугать змей, а

следом семенил Ван Сюань. На полпути к вершине они вышли на небольшую прогалину. Посреди бурьяна лежала огромная каменная плита с выровненной, будто стёсанной поверхностью, напоминающая маленькую площадь. Трава здесь не росла, и прямо на сером камне виднелся высеченный рисунок — колесо Багуа с рыбами Инь и Ян в самом центре.

Ван Сюань пошаркал лаптем по центру каменного круга, но ничего, конечно же, не произошло.

— Братец Гоудань, а что здесь есть?

— Да всё что угодно, — небрежно отозвался тот. — Может, даже гнездо дикого фазана отыщем.

Сюда ведь почти никто не заглядывал, так почему бы им не попытать удачи?

Недолго думая, Гоудань стянул штаны, повернулся к краю плиты и принялся мочиться, забавы ради выводя струёй узоры на камнях. Облегчившись, он пригнулся и скользнул к ближайшим деревьям, внимательно осматривая каждую ветку. Вскоре они с приятелем принялись безжалостно разорять все птичьи гнёзда, какие только попадались им на глаза.

Провозившись половину дня, они обобрали гнёзда, оставив пустые плетёнки сиротливо висеть на ветвях, а всю добычу сложили в самое просторное гнездо. Зеленоватые, крапчатые, лиловые и чисто-белые — для лесных пернатых сегодня настал чёрный день.

Вдруг из зарослей донёсся звонкий голосок Ван Сюаня:

— Братец Гоудань, скорее иди сюда! Я кое-что нашёл!

— Чего там у тебя? — откликнулся Гоудань, продираясь сквозь колючие ветки. — погоди минуту!

Шурша сухой травой, он спустился по правому склону оврага. Там, на самом краю обрыва, росло несколько диких абрикосовых деревьев, ветви которых ломились от спелых, золотисто-жёлтых плодов.

— Сколько их! — присвистнул Гоудань. — А ну, попробуй, сладкие ли?

Он притянул к себе гибкую ветку, сорвал абрикос, подул на него и отправил в рот.

— Тьфу, кислятина! Гадость какая.

Ван Сюань к тому времени уже набрал полную пазуху плодов. Выбрав один, он осторожно

откусил кусочек, почмокал губами и решил, что фрукт вполне сносный — кисло-сладкий, освежающий.

— Если дома снять с них кожицу и подержать немного в солёной воде, будет очень вкусно, — предложил он. — Братец Гоудань, давай наберём побольше?

— Давай, — легко согласился тот.

Всё равно у этих деревьев не было хозяина, бери сколько унесёшь.

Мальчишки увлечённо принялись за работу. Гоудань взобрался повыше и мачете срубал тонкие веточки, усыпанные спелыми плодами, которые с глухим стуком падали на землю. Ван Сюань ловко собирал их внизу. Корзина наполнилась до краёв в считанные минуты.

Увлечшись, они не заметили, как набрали лишнего. Младший не мог даже оторвать корзину от земли, так что им пришлось вдвоём, отдуваясь и пыхтя, тащить добычу вверх по склону. Вернувшись на каменную плиту, они высыпали абрикосы прямо в центр Багуа, соорудив внушительную золотистую горку.

— Хватит собирать, — рассудил Гоудань. — Нам всё равно это не унести, слишком тяжело. Будем просто приходить сюда каждый день.

Поняв, что торопиться некуда, Ван Сюань перестал заглядываться на абрикосовые кроны. Он рассовал несколько плодов по карманам и уселся чистить бамбуковые побеги, то и дело отправляя кислые дольки в рот и смешно двигая челюстями, точно сытый бурундук.

— Братец Гоудань, мы сейчас спустимся за бамбуком, а всё добро оставим здесь. Вдруг кто-нибудь утащит?

— А мы будем кричать погромче, — отмахнулся Гоудань. — Услышат, что мы близко, и побоятся тронуть.

Они спускались в низину, выкапывали нежные побеги и охалками тащили их наверх, на каменную плиту. Мальчишкам казалось, что так дело пойдёт гораздо быстрее — сперва собрать всё в кучу, а уже потом сесть и спокойно очистить от жёсткой шелухи.

Когда полуденный зной стал невыносимым, они перебрались в тень раскидистого дерева. Наскоро примяв траву, мальчишки уселись по-турецки и достали утренние маньтоу.

— Ой, не могу укусить... — Ван Сюань прижал ладонь к щеке. — Братец Гоудань, может, у меня тоже зубы меняются?

Он широко оскалился, показывая рот. Гоудань с важным видом заглянул туда и даже пошатал пальцем его зубы, но те сидели крепко, словно гвозди в дубовой доске.

— Да нет, не шатаются. Рано тебе ещё.

У самого Гоуданя передние зубы уже выпали. Один уже проклюнулся наружу — широкий, заметно крупнее молочного, а на месте второго зияла забавная дыра. Из-за этого жевать сухой хлеб ему приходилось боковыми зубами, усердно двигая челюстями.

Ван Сюань закрыл рот и потрогал десны. Зубы действительно сидели как влитые. Он хлопнул себя по лбу.

— Наверное, я просто абрикосов переел!

Зубы у него попросту заныли от кислоты.

Успокоившись, они быстро доели нехитрый обед и принялись носиться среди руин. Большая часть древней обители давно ушла под землю и заросла сорняками, однако очертания фундамента и полуразрушенных стен всё ещё угадывались в густой зелени.

Раздвигая длинным бамбуковым шестом цепкие плети дикого винограда, Гоудань вдруг наткнулся на каменную кладку.

— А-Сюань, гляди! Тут старый колодец!

Краем колодца служили замшелые камни, доходившие Гоуданю до бедра. Словно первооткрыватель, добравшийся до несметных сокровищ, он перегнулся через край и восторженно закричал в темноту:

— Эге-гей!

Колодец оказался невероятно глубоким — крик мальчика улетел вниз, отозвавшись глухим, затихающим эхом. Из чёрной пасти веяло ледяным сквозняком. В разгар летнего зноя у Гоуданя даже мурашки побежали по спине от этого холода.

Пока он недоумевал, откуда на дне берётся ледяной ветер, Ван Сюань подбежал сзади. По привычке он хотел встать плечом к плечу с другом, но не рассчитал скорость, а Гоудань в ту же секунду решил разогнуться и повернуться к нему.

Они столкнулись. Гоудань потерял равновесие, покачнулся и, взмахнув руками, полетел головой вниз, в чёрную бездну. В последнее отчаянное мгновение он инстинктивно ухватился за первое, что подвернулось под руку. Но зацепиться за скользкий мох не удалось — пальцы

мёртвой хваткой вцепились в рубаху Ван Сюаня, увлекая его за собой.

Оба мальчишки истошно завопили. Ветер в колодце вдруг взревел, взметнувшись снизу мощным, упругим потоком. Он словно подхватил их, ощутимо замедля падение, но жёсткого удара о землю избежать всё равно не удалось. Гоудань рухнул на плечо — боль обожгла сустав с такой силой, что у него потемнело в глазах. Ван Сюаню повезло больше: он каким-то чудом спружинил, перекатился по мягкой палой листве и уцелел.

На дне царил полумрак. Воды в колодце не было и в помине, но перепуганным детям сейчас было не до этого. Ван Сюань, заливаясь слезами, ползал на четвереньках и звал друга.

Гоудань лежал на боку, баюкая покалеченную руку, и тихо стонал. Смертельных ран он не получил. Окажись колодец чуть глубже или приземлился он на голову — лежать бы ему здесь с переломанной шеей. Лишь заступничество предков да этот странный порыв ветра, смягчивший падение, спасли им жизни. Но дети не думали о чудесах. Поняв, что уцелели и могут говорить, они поддались панике и во весь голос закричали, зовя на помощь.

Ван Сюань дрожал от ужаса. В зловещем полумраке, не понимая, на какую глубину они провалились, он вслепую пополз на стоны Гоуданя и случайно ткнул ладонью прямо ему в лицо.

— Тьфу! Ты мне пальцы в рот засунул! Они же в грязи! Кха-кха!

Гоудань сердито отплюнулся и попытался отползти.

Ван Сюань испуганно отдернул руку и прижался к нему.

— Братец Гоудань, скажи, где болит? Сильно болит?

— Везде болит! — Из глаз Гоуданя брызнули слёзы. Плечо онемело, а по спине разливался нестерпимый жар.

— Ой-ёй-ёй... Что же нам делать? У нас и лекарств-то нет... Мы застряли здесь навсегда? Мы умрём, да? Умрём?!

Ван Сюань снова разрыдался.

Гоудань тоже не выдержал и завыл в голос. Ему было страшно до дрожи.

«Я ведь ещё совсем маленький, — с горечью подумал Гоудань, — даже невесту себе не сосватал. Не хочу умирать!»

От боли и горькой обиды мальчишка плакал навзрыд, уверенный, что его короткая жизнь подходит к концу. Темное дно колодца огласилось дружным детским рёвом.

Наплакавшись до хрипоты, они притихли. Смерть почему-то не приходила. Мальчишки осторожно пошевелились — руки-ноги были целы. Но когда они подняли головы и увидели далеко вверх крошечный круглый просвет, им снова захотелось завывать от бессилия. Как выбраться наружу?

— Братец Гоудань... Мне страшно.

— Не бойся, — шмыгнул носом Гоудань, изо всех сил стараясь казаться храбрым. — Отец нас обязательно найдёт.

Другой надежды у них не оставалось. Стены колодца были слишком гладкими, чтобы по ним взобраться. Кричать сейчас тоже казалось бесполезной затеей: за всё время их плача никто так и не отозвался. В эти глухие места крестьяне за дровами почти не заглядывали.

Разве что кто-то ещё соберётся за бамбуковыми побегами, но рассчитывать на это не приходилось. Вдруг прошлые собиратели ушли всего пару дней назад, а новые объявятся лишь через неделю? К тому времени от них одни косточки останутся.

Гоудань сердито покосился на приятеля.

— Зачем ты меня толкнул?

— Прости, братец... — Ван Сюань испуганно сжался, чувствуя вину за их беду. Если бы он не побежал так глупо, они бы сейчас сидели наверху и ели сладкие абрикосы.

— Ладно, чего уж теперь, — вздохнул Гоудань.

Тем временем солнце поднялось к самому зениту, и его лучи пробили полумрак колодца, осветив их мрачное убежище.

— Как думаешь, глубоко тут? — Ван Сюань огляделся. — И почему на дне совсем нет воды?

— Высох, наверное. А жаль. Если бы тут была чистая вода, мы могли бы пить и ждать отца.

После долгого плача и пережитого ужаса во рту у обоих пересохло, и им мучительно захотелось пить.

Какими бы самостоятельными ни казались эти деревенские мальчишки, они оставались всего

лишь детьми. Оказавшись в беде, они больше всего на свете желали увидеть родителей. Гоудань отчаянно тосковал по отцу. Но что, если Ли Сы пойдёт искать их в другую сторону? Что, если он никогда не заглянет в этот колодец?

— Хватит реветь, береги силы, — Гоудань задрал голову, прикидывая высоту стен. — Надо будет громко кричать, когда отец начнёт нас искать.

— Братец Гоудань... А вдруг тут живут призраки? — прошептал Ван Сюань, испуганно озираясь по сторонам.

В полумраке заброшенного колодца детское воображение мгновенно оживило все жуткие сказки, что рассказывали деревенские старики зимними вечерами. У Гоуданя от страха тоже похолодели поджилки, но он не мог показать свою слабость.

— Ерунда! — громко прикрикнул он, заставив Ван Сюаня вздрогнуть. — Председатель Мао учил нас: вся нечисть и реакционеры — это просто бумажные тигры! Нет никаких призраков! Не бойся, у меня есть мачете... Погоди, а где моё мачете?

Ван Сюань недоумённо моргнул. Он понятия не имел, что это за «бумажные тигры» такие, но спорить не решился.

— Должно быть, тоже сюда свалилось. Давай поищем.

Они принялись шарить руками по холодному дну, перекапывая прелую листву и влажную землю, но пальцы натывались лишь на камни и корни. Оружия нигде не было.

— И куда оно могло воткнуться?... — пробормотал Гоудань.

<http://bllate.org/book/19654/1961075>